

заданні па фанетыцы, арфаграфіі, граматыцы для замацавання ведаў. Падбор сінонімаў (сінанімічных выказаў) і антонімаў, канструяванне фразы па апорных словах, заданні на выбар неабходнага слова (уставіць прапушчаныя словы ці ўставіць прапушчаныя прыназоўнікі, злучнікі, часціцы і інш. – для замацавання канкрэтнага граматычнага матэрыялу); прапановы працягнуць сказ (тэкст); пераказ тэксту (сціслы ці падрабязны), праца ў парах, стварэнне дыялога, пераказ тэксту ад другой асобы і інш.

Такім чынам, чытанне – успрыманне і разуменне чужога запісанага маўлення – разам з гаварэннем, пісьмом, аўдыяваннем складаюць тыя сродкі навучання, якія непарыўна ўзаемазвязаны: напрыклад, чытанне з выхадам у пісьмовае маўленне (пісьмовыя заданні, пытанні – пісьмовыя адказы і інш.), чытанне з выхадам у гаварэнне пасля прачытанага (пытанні – вусныя адказы, пераказ і інш.). Яны складаюць асноўныя віды маўленчай дзейнасці, і ад таго, як у навучэнца сфарміраваны навыкі гэтых відаў камунікатыўнай дзейнасці, і залежыць эфектыўнасць паспяховых камунікатыўных зносін, навучання замежнай мове ў цэлым.

Л. В. Левшун

«И ВОЗРЕВШИ НА ЮНОСТЬ ЕЯ, ВОЗДОХНУ И ПРОСЛЕЗИВШИСЯ»: К ВОПРОСУ ОБ ЭМОТИВНЫХ КОДАХ ЖИТИЯ ПРЕП. ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ¹

Эмотивный код языка христианской иконологии (теории художественного образа), на которой основывалась вся европейская средневековая культура, существенно отличается от секулярной концепции эмотивности художественного текста. Предельно упрощая базовые положения христианских антропологии, сотериологии (учения о спасении) и педагогики, «заказ» которых как раз и исполняла иконология, отметим принципиальное различие в них, скажем так, «эмоций преобразования» и «эмоций внушения». В художественном каноне христианской культуры первые оценивались положительно – как способствующие духовному возрастанию и обожению человека; ко вторым отношение было резко отрицательное – как к инструменту манипуляции человеческими страстями для достижения чьих-то личных целей либо как к проявлению духовного «младенчества» писателя. Поэтому способы выражения эмоции и характер эмотивов в тех или иных средневековых произведениях а) являются показателем творческого метода с соответствующими ему целеполаганием и художественными задачами; б) свидетельствуют о духовном состоянии писателя: превалирование в произведении «эмоций преобразования» – признак глубокой религиозности (святости) автора; превалирование «эмоций внушения» – показатель секулярности авторского самосознания, включенности автора в светскую литературную тради-

¹ Исследование выполнено при поддержке БРФФИ (проект Г20Р-383).

цию (даже если сам он об этом не подозревает), когда эмотивы используются либо для «выплеска» эмоций автора без целевой направленности на адресата, либо с прагматическим намерением внушить читателю определенную эмоциональную оценку. Следовательно, эмотивный код может быть с успехом использован в текстологии как достаточно четкий критерий определения чужеродных (с эмотивами иного кода) фрагментов того или иного текста там, где иные критерии – палеографические, лингвистические, стилистические, идеологические, культурологические и т.д. – представляются недостаточными или небезошибочными.

В частности, характер эмотивов позволяет вычленить фрагменты чужеродного текста в Житии преп. Евфросинии Полоцкой. Остановимся на одном, наиболее показательном. В нем повествуется о том, что Предслава, желая избежать брака, просит свою тетушку, «черницу Романову» о постриге, а та ей отказывает, убеждая девушку, что иноческая жизнь слишком тяжела для княжны, а еще опасаясь, что отец Предславы «возложит вред» на Романову за этот постриг.

Эмотивность, с какой описана реакция Романовой на просьбу Предславы, резко отличает этот фрагмент от предыдущего, весьма сдержанного, изложения событий: *Видевши же она блаженна жена юность ея и возраст цветущий бней и смятесе и нача телом утерьпати и сердцем ужасатися, и лицем на землю преклоньши, на длъг час ничуци и восклоньшися, и возревши на юность ея, воздохну и прослезившися.* Перед нами – целый ряд эмотивных словосочетаний, выражающих эмоционально окрашенные: действие (*нача телом утерьпати, лицем на землю преклоньши, на длъг час ничуци, воздохну и прослезившися*), состояние (*смятесе, нача сердцем ужасатися*), отношение (*видевши <...> юность ея и возраст цветущий бней и смятесе*) и реализующие семантический признак ‘эмоциональное переживание’.

Все эти эксцентричные действия, абсолютно не свойственные монашествующим и недопустимые монастырским уставом, заставляют усомниться как в истинности описанного, так и в осведомленности пишущего. Между тем известно, что архетип этого житийного текста создавался человеком, очень хорошо знавшим все обстоятельства жизни Преподобной. Следовательно, эмотивность описания в данном случае является весьма прочным основанием считать его позднейшей вставкой-амплификацией.

Однако вставка, пусть и неорганичная, тем не менее преобразует семантику всего фрагмента, поскольку предполагается, что описанные выше действия сопровождают реплику Романовой в ее диалоге с Предславой. Эмотивность описания реакции Романовой на просьбу племянницы способствует тому, что В. И. Шаховский назвал «наведение эмосем», в данном случае – в семантику всего высказывания: *Чадо мое, како могу се сотворити? Отец твой, уведев, со всяким гневом возложит вред на главу мою! И еще же юна еси возрастом, не можеша понести тяготы мнишескаго житиа! И како можеша оставити княжение и славу мира сего?.* Кроме лексических эмотивов (*со всяким гневом возложит вред*) в реплике

Романовой прочитываются и синтаксические эмотивы – риторические вопрошания, сопряженные с повтором (*како могу...!*; *како можеши..!*), и восклицания (*Отец твой, уведев, со всяким гневом возложит вред на главу мою! И еще же юна еси возрастом, не можеши понести тяготы мнишескаго жития!*). При этом очевидно, что если бы этой реплике не предшествовало эмотивное описание поведения Романовой, то эмоциональность ее высказывания могла бы остаться не замеченной читателем и, вероятно, не была таковой в тексте архетипа.

Однако эмотивный заряд этого вставного описания «наводит эмосему» не только в реплику Романовой, но и в ответную реплику Предславы. Тон, с каким звучит ответ племянницы тетушке, воспринимается как эмоционально заряженный, хотя почти никаких формальных признаков эмотивности и очевидных эмотивов в словах Предславы нет: *Госпоже и мати, вся видимаа мира сего красна суть и славна, но въскоре минуют, яко сон или цвет увядает; вечнаа же и невидимая въвеки пребывают, якоже Писание глаголет: Око не виде, ни ухо слыша, ни на сердце человеку взыде, иже уготова Бог любящим Его (1Кор. 2:9). Или отца моего ради не хоцещи мене острици? Не бойся, госпоже моя, убойся Господа, владеющаго всею тварию, и не отлучи мене от аггельскаго чина!*. Правда, в последней фразе Предславы мы видим сложно структурированный эмотив *не бойся* [отца. – Л. Л.] <...> *убойся Господа*, но он относится уже к совершенно иному эмотивному коду. Эмотивы в описании действий Романовой, безусловно, выражают «эмоции внушения» – автор таким образом манипулирует чувствами читателя, навязывая ему эмоциональное возбуждение, почти аффект, что противоречит принципам христианской педагогики. Эмотив *не бойся* <...> *убойся Господа* выражает «эмоции преображения»: Предслава указывает Романовой правильную, с точки зрения христианского учения, ценность: страх перед земным правителем (эмоция психофизиологического происхождения) ничего не значит в сравнении со страхом перед Богом (чувство духовного происхождения, переживание которого возможно лишь после преодоления психофизиологической эмоциональности). Княжна, по сути, призывает «черницу» выйти за пределы человеческой эмоциональности – оставить бытовые страхи, связанные с земным бытием, которое «красно суть и славно, но въскоре минует, яко сон или цвет увядает», и подумать о вечной жизни, о том бытии, которое «вечно и невидимо въвеки пребывает». Но это путь духовного преображения – последовательного подчинения эмоциональной сферы разуму, а разума – духу.

Анализ характера эмотивов позволяет сделать вывод, что эпизод Жития преп. Евфросинии Полоцкой, в котором рассказывается о приходе Предславы к Романовой с просьбой о постриге, был отредактирован книжником, чей эмотивный код существенно отличался от эмотивного кода архетипа. И если примененная при анализе методика верна, то возможно изъять из текста Жития фрагменты с «чужим» эмотивным кодом. И это действительно удастся сделать. Замечательно, что такое изъятие не только не создает

содержательно-смысловой лакуны, но и конденсирует сюжет, открывая заретушированный «извитием словес» смысл древнего повествования: *Видевшее же она блаженная жена <изъятый текст> юность ея <...> глагола ей: Чадо мое, како могу се сотворити? Отец твой, уведев, со всяким гневом возложит вред на главу мою! <...> Отвещавши же блаженная отроковица: Госпоже и мати! <...> Или отца моего ради не хочещи мене острици? Не бойся, госпоже моя; убойся Господа, владеющего всею тварью, и не отлучи мене от аггельскаго чина.* Причем очевидно, что после изъятия текста с «чужим» эмотивным кодом, фрагмент утрачивает эмоциональный заряд и принимает вид спокойного обсуждения проблемы. И речь в нем идет вовсе не о том, что юная дева не в силах переносить тяготы монашеского жития, а о том, что постриг отроковицы без разрешения родителей, без дозволения епископа и положенного трехлетнего «испыта» повлечет, согласно церковным правилам, строгое наказание Романовой. А кроме того, и Предслава, и Романова осведомлены, что даже если бы таковой постриг состоялся, он был бы недействителен. И значит, отец девицы имел бы все права «со всяким гневом возложить вред на голову» совершившей такое деяние Романовой, а Предславу забрать из монастыря и благополучно выдать замуж. Однако Предслава, отдавшись сама воле Божией, напоминает тетушке, что Божье наказание за отказ в постриге страшнее княжьего гнева, и лучше Романовой положиться на Бога, чем бояться князя.

Таким образом, обнаружение в Житии преп. Евфросинии Полоцкой фрагментов с разными эмотивными кодами позволяет отделить текст архетипа от позднейших редактур и амплифицирующих вставок.

Ю. В. Мішурная

СЕМАНТЫЧНАЯ АДАПТАЦЫЯ АНГЛІЙСКІХ ЗАПАЗЫЧАННЯЎ У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Лексічная сістэма сучаснай беларускай мовы характарызуецца актыўным папаўненнем англійскімі запазычаннямі, што абумоўлена ўзмацненнем ролі англійскай мовы ў міжнароднай камунікацыі ў эпоху глабалізацыі. Пры ўваходжанні запазычанняў у мову-рэцыпіент у большасці выпадкаў адбываецца поўнае капіраванне аднаго, радзей некалькіх значэнняў слова-этымона, што асабліва характэрна для запазычання інтэрнацыянальнай лексікі.

Аднак нярэдка лексічнае значэнне запазычанага слова падвяргаецца трансфармацыі на беларускай глебе, гэта значыць, што ў структуры лексічнага значэння запазычанага слова з'яўляецца або губляецца той ці іншы семантычны кампанент, што прыводзіць да звужэння або пашырэння значэння слова-этымона, у рэдкіх выпадках – да набыцця запазычаным словам дадатковага ацэннага значэння, пазітыўнага ці негатыўнага.